

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-87-125

Научная статья / Research paper

А.В. Белинский, М.В. Хорольская*

**«ЕЩЕ ОДИН КИРПИЧ В СТЕНЕ».
К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ НАЦИОНАЛИЗМА
В «НОВЫХ» ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗЕМЛЯХ ФРГ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук»
117997, Москва, Нахимовский проспект, 51/21*

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23*

Относительно широкая поддержка популистов, националистических партий и движений (таких как «Альтернатива для Германии», НДПГ, ПЕГИДА) на востоке ФРГ, а также большое число преступлений, совершаемых здесь правыми экстремистами, неизбежно поднимают вопрос о природе феномена национализма в этом регионе. В рамках данной статьи исследуются причины распространенности ксенофобских и националистических настроений в «новых» федеральных землях Германии. С этой целью авторы обращаются к рассмотрению широкого комплекса социально-политических и психологических факторов, при этом особый акцент сделан на выявлении исторических корней и предпосылок современного всплеска национализма на востоке ФРГ. В частности, показано, что последовавший за объединением страны крах восточногерманской экономики привел к массовой безработице и фрустрации населения, чем сумели воспользоваться праворадикальные партии, обвинявшие во всех экономических проблемах мигрантов. Однако формированию ксенофобских настроений в Восточной Германии способствовали отнюдь не только экономические факторы. Так, авторы обращают внимание на особенности политики памяти в ГДР, прежде всего подходы ее руководства к проблеме преодоления нацист-

* *Белинский Андрей Викторович* — кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН (e-mail: belinskii_andrei@mail.ru); *Хорольская Мария Витальевна* — кандидат политических наук, научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (e-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru).

ского прошлого и к использованию истории страны для формирования национальной идентичности. Отмечается, что отказ от всестороннего и объективного изучения прошлого, закоснение официальной идеологии и ее отчуждение от духовных потребностей населения привели к общему росту национализма в ГДР. Кроме того, выделяются еще ряд факторов, которые также оказали впоследствии влияние на формирование ксенофобских настроений в этой части страны. Например, в отличие от ФРГ, которая еще с 1950-х годов стала активно привлекать иностранных рабочих из Италии, Турции и Югославии, число иностранцев на территории ГДР было невелико, а контакты с ними носили ограниченный характер. Предпринятый анализ позволяет не только создать более подробный портрет восточногерманского национализма, но и выявить глубинные причины роста популярности в ФРГ правопопулистских партий и движений. В первую очередь речь идет о незавершенности процесса объединения страны, сохранении структурных диспропорций в развитии «старых» и «новых» федеральных земель.

Ключевые слова: национализм, популизм, ФРГ, ГДР, объединение Германии, «Альтернатива для Германии», ПЕГИДА, ксенофобия, политика памяти, историческая политика.

Для цитирования: Белинский А.В., Хорольская М.В. «Еще один кирпич в стене». К вопросу о причинах национализма в «новых» федеральных землях ФРГ // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 2. С. 87–125. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-87-125

Andrei V. Belinskii., Maria V. Khorol'skaya

**‘ANOTHER BRICK IN THE WALL’
ON THE ORIGINS OF NATIONALISM
IN THE ‘NEW’ FEDERAL STATES OF GERMANY**

*The Institute of Scientific Information for Social Sciences,
The Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovskii prospekt, Moscow, 117997
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997*

A relatively broad support enjoyed by the populist and nationalist parties and movements (AfD, National Democratic Party of Germany, PEGIDA), as well as a

higher rate of right-wing extremism in the eastern part of the Federal Republic of Germany raise a question on the nature of nationalism in this region. The present paper examines the causes of widespread xenophobic and nationalist sentiments in the 'new' federal states. To this end, the authors address a wide range of social-political and psychological factors, focusing on the historical roots and causes of the recent rise of nationalism in East Germany. Particularly, the authors show that the right-wing parties took advantage of popular frustration caused by the collapse of the East German economy after the country's reunification and massive unemployment by putting all the blame on migrants. Nevertheless, the causes of growing xenophobia in East Germany were far from being solely economic. For example, the authors underline the role of the politics of memory in the GDR and primarily the approaches of its leaders to the issues of the Nazi past and its attempts to draw on the country's history to shape a new national identity. However, the failure of the state to provide an unbiased view on the national history, rigid official ideology and its alienation from the popular demands have led to the growing nationalism in the GDR. Besides, a number of other aspects is pointed out which have also fostered xenophobic sentiments in this part of the country. Unlike West Germany which started to accept labour migrants from Italy, Turkey and Yugoslavia back in 1950s, the GDR saw few foreigners and contacts between them and local population were limited. As a result, the paper not only helps to create a more detailed image of the East German nationalism but also to identify the underlying causes of the growing popularity of right-wing populist parties and movements in the FRG, most notably, the unfinished process of the country's reunification and structural imbalances between the 'old' and the 'new' federal states.

Keywords: nationalism, populism, the FRG, the GDR, German reunification, Alternative for Germany, PEGIDA, xenophobia, politics of memory, politics of history.

About the authors: *Andrei V. Belinskii* — PhD (Political Science), Senior Research Fellow at the Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (e-mail: belinskii_andrei@mail.ru); *Maria V. Khorol'skaya* — PhD (Political Science), Research Fellow at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru).

For citation: Belinskii A.V., Khorol'skaya M.V. 2021. 'Another brick in the wall'. On the origins of nationalism in the 'new' federal states of Germany. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 2, pp. 87–125. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-87-25 (In Russ.)

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут»?

Осенью 1989 г. в Берлине, Дрездене, Лейпциге и других восточногерманских городах прошли многотысячные политические демонстрации. Протестующие выступали против закосневшей диктатуры партийных бонз правящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), отсутствия политических свобод и сохранения Берлинской стены, этого мрачного символа холодной войны, собиравшей на протяжении многих лет свою кровавую жатву¹. Лозунг «Мы один народ» (*Wir sind ein Volk*), восторженный прием, устроенный жителями Дрездена канцлеру ФРГ Г. Колю в декабре 1989 г., и оглушительный успех «Альянса за Германию» на мартовских выборах в Народную палату породили у части западногерманской политической элиты иллюзию быстрой интеграции Восточной Германии в политические и экономические структуры ФРГ. «Этим вотумом жители ГДР послали ясный сигнал о том, что они хотят завершения процесса объединения на основании 23 статьи Основного закона². Для меня это было самым важным результатом выборов. И я был горд этим», — отмечал впоследствии Г. Коль в своих мемуарах³.

Спустя 26 лет, осенью уже 2015 г., на площадях тех же самых городов, где когда-то граждане выступали в поддержку демократии и политических свобод, прошли демонстрации ПЕГИДА (Патриотические европейцы против исламизации Запада; *Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes*, PEGIDA) против миграционной политики А. Меркель, политического истеблишмента и «лживой прессы» (*Lügenpresse*). Гамбургский еженедельник *Der Stern* в таких тонах описал царившую в центре саксонской столицы атмосферу: «Мужчина, пронесший через Дрезден виселицу для А. Меркель, чувствует себя сейчас достаточно хорошо. Несколько человек назвали его акцию безвкусной, однако таких было немного»⁴.

¹ За годы своего существования Берлинская стена унесла жизни нескольких сотен граждан ГДР. Часть из них были убиты восточногерманскими пограничниками при попытке добраться до западного сектора города, другие стали жертвой несчастного случая. Подробнее см.: [Сумленный, 2010: 129].

² Присоединение ГДР к ФРГ на основе этой статьи означало распространение на «новые» земли Основного закона и правовых норм ФРГ. В качестве альтернативы рассматривалось объединение на основании статьи 146, предполагающей создание нового государства и принятие новой конституции.

³ Kohl H. *Erinnerungen. 1982–1990*. München: Droemer Verlag, 2005. S. 1088.

⁴ Hunfeld F. *Im Hass vereint* // *Der Stern*. 06.11.2015. Available at: <https://www.stern.de/politik/deutschland/rechte-gewalt--im-hass-vereint-6541096.html> (accessed: 04.09.2020).

Эти манифестации и последовавшая за ними волна поджогов общежитий для мигрантов еще раз наглядно продемонстрировали, что даже спустя около трех десятков лет после падения Берлинской стены существует невидимая «стена в головах», по-прежнему разделяющая восточных и западных немцев. И одним из самых прочных «кирпичиков» в этой стене, по мнению многих наблюдателей и экспертов, является национализм в «новых» федеральных землях. Отнюдь не случайным на этом фоне выглядит тот факт, что именно Восток страны стал сегодня резервуаром для правопопулистской «Альтернативы для Германии»⁵ (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение результатов земельных выборов в западных и восточных федеральных землях ФРГ в 2018–2019 гг.

Comparison of the 2018–2019 state elections in the 'old' and the 'new' federal states of Germany

Федеральная земля Federal state	Результат «Альтернативы для Германии» (%) Results for 'Alternative for Germany' (%)
Западные федеральные земли 'Old' federal states	
Бавария / Bavaria (2018)	10,5
Гессен / Hesse (2018)	13,1
Бремен / Bremen (2019)	6,1
Восточные федеральные земли 'New' federal states	
Бранденбург / Brandenburg (2019)	23,5
Саксония / Saxony (2019)	27,5
Тюрингия / Thuringia (2019)	23,4

Источник / Source: Landtagswahlen 2018 und 2019 // [Wahlen.info](https://www.wahlen.info). Available at: <https://www.wahlen.info/landtagswahlen/> (accessed: 11.08.2020).

⁵ Очевидно, что существует прямая связь между ксенофобией и правопопулистскими партиями и движениями. Если на низовом, локальном уровне она может выражаться в высказываниях против мигрантов или нападениях на них, то в политической сфере — в голосовании за правых популистов. Так, в США парамилитарные формирования гражданской милиции являются оплотом праворадикальных сил и одновременно составляют ядро электората Д. Трампа.

Насколько в действительности сильны националистические настроения на востоке страны? Какими факторами можно объяснить то обстоятельство, что территория уже канувшего в Лету государства, столпами официальной идеологии которого неизменно были пролетарский интернационализм и антифашизм, с начала 1990-х годов стала прочно ассоциироваться в СМИ и в массовом сознании с национализмом и ксенофобией? Поиску ответов на эти вопросы и посвящена настоящая статья. При этом, говоря о таком сложном и многоплановом феномене, как национализм, мы будем касаться прежде всего его ксенофобской составляющей.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях кризиса традиционной партийно-политической системы и роста радикальных настроений по обе стороны Атлантики всё большую актуальность приобретает вопрос о том, что представляет собой электорат правопопулистских партий и движений. Какие мотивы предопределили его симпатии к «Национальному объединению» (бывший «Национальный фронт»), «Австрийской партии свободы», «Альтернативе для Германии»? Почему национализм, еще недавно считавшийся атавизмом прошлого, сегодня переживает подъем? Изучение феномена национализма в Восточной Германии поможет ответить на данные вопросы.

В первую очередь необходимо выяснить, насколько распространенные в СМИ и общественном сознании представления о востоке Германии как о бастионе национализма соответствуют действительности. И здесь нам следует обратиться к социологическим исследованиям, отчетам полиции и Федерального ведомства защиты Конституции Германии, криминальной статистике. В этой связи особый интерес для исследователя представляет работа немецких политологов А. Цика, Д. Краузе и Б. Кюппера «Ярость. Презрение. Обесценивание. Правый популизм в Германии» [Zick et al., 2015], в которой представлены данные о ксенофобских настроениях на западе и востоке страны (табл. 2).

Приведенные в таблице 2 цифры полностью коррелируют с данными о количестве преступлений, совершенных правыми экстремистами в «старых» и «новых» федеральных землях. По данным Федерального ведомства защиты Конституции Германии, большинство из них было совершено именно в Восточной Германии, на территории которой проживают всего около 17 млн человек при общей численности населения ФРГ 83 млн человек (табл. 3).

Таблица 2

**Правый популизм в Восточной и Западной Германии
(минимальный коэффициент — 1, максимальный — 4)**

**Right-wing populism in East and West Germany
(minimal ratio — 1; maximum — 4)**

Критерий Criterion	Западная Германия West Germany	Восточная Германия East Germany
Авторитаризм Authoritarianism	2,9	3,2
Недоверие к демократии Mistrust of democratic institutions	3	3,2
Враждебность к иностранцам Hostility against foreigners	1,9	2,2
Уничижительное отношение к беженцам Negative attitude towards refugees	2,6	2,8
Уничижительное отношение к цыганам Negative attitude towards Gypsies	2,1	2,3
Уничижительное отношение к мусульманам Negative attitude towards Muslims	1,8	2
Правый экстремизм в целом Right-wing extremism in general	2,4	2,6

Источник: составлено авторами на основе [Zick et al., 2015: 65].

Таблица 3

Число преступлений на 100 000 человек, совершенных правыми экстремистами на территории «новых» и «старых» федеральных земель за 2017–2018 гг.

The number of crimes per 100,000 persons committed by the right-wing extremists across the 'new' and the 'old' federal states in 2017–2018

Федеральная земля Federal state	2017 г.	2018 г.
Восточные федеральные земли 'New' federal states		
Мекленбург — Передняя Померания Mecklenburg — West Pomerania	5,21	2,67

Федеральная земля Federal state	2017 г.	2018 г.
Бранденбург Brandenburg	4,85	4,74
Берлин Berlin	2,80	3,32
Саксония-Анхальт Saxony-Anhalt	4,52	4,12
Саксония Saxony	2,33	3,38
Тюрингия Thuringia	3,29	3,08
Западные федеральные земли 'Old' federal states		
Бавария Bavaria	0,53	0,48
Шлезвиг-Гольштейн Schleswig-Holstein	1,63	1,00
Гамбург Hamburg	0,83	0,60
Бремен Bremen	0,59	0,29
Нижняя Саксония Lower Saxony	0,53	0,59
Северный Рейн – Вестфалия North Rhine — Westphalia	1,15	1,20
Гессен Hesse	0,26	0,40
Рейнланд-Пфальц Rhineland-Palatinate	0,74	1,25
Саарланд Saarland	1,50	1,82
Баден-Вюртемберг Baden-Württemberg	0,36	0,43

Источник / Source: So viele rechte Gewalttaten gab es im letzten Jahr // Der Stern. 28.08.2018. Available at: <https://www.stern.de/politik/deutschland/so-viele-rechte-gewalttaten-gab-es-in-den-bundeslaendern-im-letzten-jahr--8230556.html> (accessed: 10.09.2020); Schwerpunkt Ost: Rechte Gewalt in den Bundesländern // Der Stern. 07.07.2019. Available at: <https://www.stern.de/politik/deutschland/schwerpunkt-ost--rechte-gewalt-in-den-bundeslaendern-8784318.html> (accessed: 10.09.2020).

Как мы видим, «новые» федеральные земли с отрывом лидируют по числу преступлений, совершенных на почве национальной, расовой или религиозной ненависти. Безусловно, это ни в коей степени не означает, что большинство восточных немцев поддерживают экстремистские ультраправые партии и организации⁶. Однако факт остается фактом: ксенофобские настроения на востоке страны более выражены, чем в западных регионах ФРГ, что дает нам право с определенной долей уверенности говорить о феномене восточногерманского национализма, корни которого носят социально-экономический, психологический и исторический характер.

Проблема особенностей политической культуры в «новых» федеральных землях встала сразу после объединения Германии. В научных и журналистских публикациях развернулись дискуссии о том, сможет ли население «новых» федеральных земель, 40 лет существовавшее в условиях фактически однопартийной системы, воспринять демократическую культуру ФРГ. Высказывались опасения, что восточногерманское влияние частично нивелирует достижения западногерманской демократии [Вайденфельд, 1998]. Вспышки правого радикализма в «новых» землях (например, беспорядки в Хойерсверде, нападения в Ростоке и др.) не только усугубили эти страхи, но и создали образ восточных немцев как ксенофобов и неонацистов. Острая тема сразу же нашла отражение в публикациях, например в книгах П. Кёддерича и Л. Мюллера, которые из-за новизны проблематики отличались несколько описательным подходом [Ködderitzsch, Müller, 1990; Schröder, 1992]. Значительный вклад в изучение феномена восточногерманского национализма внес политолог и социолог Э. Хенниг, выявивший различия между правым экстремизмом восточных и западных земель [Hennig, 1993a, 1993b]. Научным подходом отличалась статья Х.Л. Берга, посвященная правому экстремизму на востоке Германии после объединения [Berg, 1994]. Особое внимание уделялось такой беспокоившей общество проблеме, как уровень правых настроений у молодежи [Förster, Friedrich, 1992; Rechtsradikale Gewalt..., 1993].

После того как наиболее тяжелый период интеграции земель бывшей ГДР был завершен, а группировки скинхедов, казалось,

⁶ При этом не стоит забывать, что правопопулистская партия «Альтернатива для Германии» набирает в «новых» федеральных землях в процентном соотношении примерно в 1,5–2 раза больше голосов, чем на западе страны.

ушли в прошлое, снизился и интерес к особенностям политической культуры и правому радикализму на востоке. При обсуждении различий восточных и западных немцев с германскими политиками из «старых» земель последние иронично спрашивали: «Неужели они еще остались?» Тема интересовала исследователей [Dierk, 2012; Niedermayer, 2009], но не привлекала серьезного внимания общественности.

Ситуация резко изменилась в 2014–2015 гг., когда на волне миграционного кризиса в восточных землях вновь участились случаи насилия на националистической почве: широкий общественный резонанс вызвали пожар в общежитии для мигрантов в апреле 2015 г. в Трёглице (Саксония-Анхальт), беспорядки в августе 2015 г. в лагере для беженцев в Хайденау под Дрезденом, столкновение националистов с беженцами в сентябре 2016 г. в Бауцене (Саксония). В городе Дрездене в восточной земле Саксония сформировалось националистическое движение ПЕГИДА. Правопопулистская «Альтернатива для Германии» стала получать в «новых» землях практически в два раза больше голосов, чем в «старых». Это всколыхнуло интерес общественности, журналистов и исследователей к проблеме правого радикализма на территории бывшей ГДР [Kraske, 2020; Zick et al., 2015]. Среди наиболее значимых работ можно назвать исследования правых настроений в федеральной земле Саксония доктора Й. Клозе и публикации, посвященные проблеме экстремизма и «Альтернативе для Германии» профессора Х. Функе [Funke, Gabriel, 2016; Funke, Mudra, 2018; Funke, 2020]. Й. Клозе, в частности, отмечал, что ксенофобия в Саксонии имеет сложную природу, в ее основе лежат как потрясения от стремительного трансформационного процесса, страх перед изменениями, старые обиды, так и особая региональная гордость за прошлое величие [Klose, 2018]⁷. Х. Функе добавлял, что правым настроениям поспособствовали также долгое практически единоличное правление в земле Христианско-демократического союза Германии (ХДС) и деятельность авторитарного первого премьер-министра К. Биденкофа.

Основные отличия современных исследований от историографии 1990-х годов — большее внимание к чувствам самих восточных нем-

⁷ Locke S. Ankunft des Rechtspopulismus in Deutschland // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 14.06.2016. Available at: <http://www.faz.net/aktuell/politik/inland/joachim-klose-patzeltz-buch-pegida-warnsignale-aus-dresden-14286949.html> (accessed: 10.10.2020).

цев, стремление не судить, а понимать, осознание, что экстремизм «осси» связан не только с неприязнью к иностранцам как таковым, но и с неудовлетворенностью собственным положением. Подобная точка зрения получила поддержку и на федеральном уровне. Политик от Социал-демократической партии Германии (СДПГ), председатель комиссии «30 лет немецкого единства и мирной революции» М. Платцек отметил, что «необходимо учитывать тот опыт, который восточные немцы получили за последние 30 лет <...>. В течение 10 лет восточные немцы были свидетелями экономического коллапса, деиндустриализации, взрыва безработицы, вслед за этим экономика столкнулась с финансовым кризисом, а вскоре после этого пришел миграционный кризис. Это поколебало их представление о том, что государство всё регулирует, принимает решение, защищает граждан. А ведь восточногерманское население было ориентировано на государство, и, с их точки зрения, государство по многим вопросам в этих трех кризисах не выполнило свою обязанность. Нельзя забывать, что всё это случилось за годы жизни одного поколения, это ужасно много. К тому же 2 миллиона хорошо образованных энергичных молодых людей покинули Восточную Германию, что для 15-миллионного населения очень существенно. Это означает, что население стало старше <...>, а более пожилое общество более боязливо. Таким образом, когда мы всё это объединим, то поймем: хорошо еще, что 80% населения⁸ выбирают демократические партии»⁹.

Российские исследователи также уделяли внимание проблемам востока Германии. Были опубликованы работы, посвященные правому радикализму в «новых» федеральных землях [Белинский, 2020], популярности «Альтернативы для Германии» на востоке [Бадаева, 2019; Белинский, 2017, 2018; Погорельская, 2018; Тимошенкова, 2018; Хорольская, 2018], а также анализу особенностей политической культуры восточных немцев [Хорольская, 2017], экономических сложностей [Романова, 2010; Тоганова, 2013] и проблем переосмысления истории. Однако в данном случае нас интересует не столько изучение факторов экономической и социально-политической жизни, сколько оценка их влияния на проявление национализма в «новых» землях.

⁸ Отсылка, что праворадикальная «Альтернатива для Германии» набирает в восточных землях около 20%.

⁹ Интервью М.В. Хорольской с М. Платцеком (12.11.2019).

**«Не дай вам Бог жить в эпоху перемен»:
влияние социально-экономических проблем
на формирование правых настроений в восточных землях**

«Общими усилиями нам удастся добиться того, чтобы Мекленбург — Передняя Померания, Саксония-Анхальт, Бранденбург, Саксония и Тюрингия превратились в цветущие ландшафты»¹⁰, — оптимистично заявил канцлер Г. Коль 1 июля 1990 г. Предвыборные обещания западногерманских политиков подогревали и без того завышенные ожидания граждан ГДР, которые надеялись на значительное улучшение своего экономического положения при сохранении существующих социальных гарантий. Так, согласно опросам Eurobarometer осенью 1990 г. 67% восточных немцев оптимистично смотрели в будущее¹¹.

Однако объединение ФРГ и ГДР повлекло за собой отнюдь не обещанные Г. Колем «цветущие ландшафты», а болезненный переходный период, ставший настоящим «холодным душем» для восточных немцев. Проводившаяся Ведомством по опеке приватизация государственной собственности привела к банкротству части предприятий и переходу большинства (80%) оставшихся в руки западногерманских предпринимателей¹². Крах многих заводов и комбинатов, на которых еще недавно были заняты десятки тысяч людей, повлек за собой массовую безработицу. Ситуацию усугубила и устроенная победителями чистка политически «неблагонадежных», жертвами которой стали десятки тысяч чиновников, военных, преподавателей, ученых. К 1994 г. безработица в «новых» федеральных землях достигла 14,8%, в то время как на западе страны она была на уровне «лишь» 8,1%. В дальнейшем этот разрыв увеличился, составив в 2005 г. соответ-

¹⁰ Helmut Kohl hatte Recht // Der Tagesspiegel. 19.10.2014. Available at: <https://www.tagesspiegel.de/politik/bluehende-landschaften-in-ostdeutschland-helmut-kohl-hatte-recht/10349862.htm> | (accessed: 13.09.2020).

¹¹ Die Europäische Gemeinschaft und das vereinte Deutschland Einstellungen und Meinungen der Ost- und Westdeutschen im Vergleich Sonderbericht über die Ergebnisse aus der Eurobarometer Umfrage Nr. 34 vom Oktober 1990. T. 20 // Europäische Kommission. Available at: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_056_de.pdf (accessed: 01.10.2017).

¹² Das Vermögen der DDR und die Privatisierung durch die Treuhand // Bundeszentrale für politische Bildung. 26.08.2015. Available at: <https://www.bpb.de/geschichte/deutsche-einheit/zahlen-und-fakten-zur-deutschen-einheit/211280/das-vermoegen-der-ddr-und-die-privatisierung-durch-die-treuhand> (accessed: 10.12.2016).

ственно 18,7 и 9,9%¹³. Не оправдал надежд и долгожданный переход на западногерманскую марку. Повышение зарплат автоматически повлекло за собой и повышение стоимости труда, что сделало восточногерманскую экономику еще более неконкурентоспособной. За 20 лет объединения 53% восточных немцев хоть один раз пережили потерю работы [Petersen, 2014: 9]. Не способствовали интеграции и стереотипы западных немцев в отношении соотечественников с востока, поскольку многие работодатели отнюдь не горели желанием взять на хорошо оплачиваемую должность «осси»¹⁴.

Последним мазком, дополнявшим общую картину краха старого мира на востоке, стал демонтаж социальной системы. Перерасчет пенсий по новой формуле привел к тому, что размер пенсионных выплат у восточных немцев оказался ниже, чем у западных. Несмотря на то что после воссоединения Германии уровень медицины в восточных регионах ФРГ повысился, некоторые немцы были недовольны новой системой здравоохранения из-за ее коммерциализованного характера. Дошкольное воспитание детей также стало платным, снизилось число яслей.

«Дьявольский круг» из социально-экономических проблем и несбывшихся надежд, высокомерного отношения западных немцев и ощущения безысходности привел к глубокой фрустрации населения «новых» федеральных земель, которая в скором времени вырвалась наружу небывалым всплеском правозэкстремистских и ксенофобских настроений, усилением радикальных националистических групп. В то время как на западе правый экстремизм в значительной части к 1990-м годам институционализировался (оформились полуправильные группы, правые партии боролись за места в парламенте), восточные правые были мало организованы и отличались большим уровнем насилия [Berg, 1994: 103].

Вся трагичность этого периода отразилась в августовских событиях 1992 г. в балтийском городе Ростоке, бывшем во времена ГДР крупным центром судостроения: «Нищета затронула все поколения,

¹³ Arbeitslosenquote in West- und Ostdeutschland von 1994 bis 2020 // Statista. Available at: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/915315/umfrage/arbeitslosenquote-in-west-und-ostdeutschland/> (accessed: 13.09.2020).

¹⁴ Многие жители «старой» ФРГ считали восточных немцев безынициативными, патерналистски настроенными и неспособными адаптироваться к меняющимся условиям. Даже спустя 30 лет после объединения Германии некоторые стереотипы в отношении населения бывшей ГДР продолжают существовать.

хотя пожилые получили более высокие пенсии. Все товары подорожали. Людей среднего возраста терзала безработица, молодежь — отсутствие перспектив¹⁵. К безработице и нищете примешивалось чувство унижения и второсортности по отношению к «весси». «Мы турки в собственной стране», — пожаловалась 35-летняя банковская служащая¹⁶. Результат этой накапливавшейся несколько месяцев ненависти потряс всю страну.

В Ростоке располагалось общежитие для вьетнамских беженцев, а позднее в этом же доме был открыт сборный пункт для вынужденных переселенцев. Как вспоминали жители города, в здании, рассчитанном на 250 человек, были размещены около 600, некоторые жили в палатках, элементарные бытовые условия (туалеты, душевые кабины) отсутствовали. Это вызывало возмущение местного населения, и без того недовольного своей жизнью. Ситуация накалялась, а местные власти бездействовали. Общая фрустрация привела к тому, что 22 августа большая группа радикально настроенной молодежи стала громить окна общежития, вскоре к ним присоединились жители окрестных домов. Агрессивная толпа увеличилась за счет прибывших со всей Германии правых радикалов и «сочувствующих». Нацисты штурмовали здание, а после эвакуации сборного пункта для беженцев стали забрасывать общежитие для вьетнамских рабочих бутылками с зажигательной смесью. Зеваки из числа местных жителей рукоплескали ультраправым активистам. Полиция была не способна остановить насилие и заняла выжидательную позицию, а агрессивная толпа (около 3 тыс. человек) не допускала пожарных к возгоранию. Около 180 человек могли погибнуть в огне, но чудом спаслись на крыше. Подобный сценарий в скором времени повторился в Хемнице, Хойерсверде и других восточногерманских городах¹⁷. Эти события шокировали всю страну, привели к изменению миграционного законодательства и надолго закрепили за восточными немцами образ правых националистов¹⁸.

¹⁵ Ernstes Zeichen an der Wand // Der Spiegel. 30.08.1992. Available at: <https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/13689982> (accessed: 15.09.2020).

¹⁶ Ibid. S. 19.

¹⁷ Атмосфера безысходности и отчаяния восточногерманской глубинки с фотографической точностью показана в документальном фильме режиссера Т. Хайзе «Застой. Сейчас начнется» (Stau—Jetztgeht'slos).

¹⁸ Справедливости ради надо отметить, что насилие на праворадикальной почве характерно и для западных земель. В частности, один из самых жестоких случаев

Старая политическая система рухнула, а новая не слишком приживалась на почвах Саксонии, Тюрингии и Бранденбурга. В образовавшийся вакуум хлынули националистические партии, которые в полной мере использовали фрустрацию населения в своих целях. Так, Национал-демократическая партия Германии (НДПГ) пыталась опереться на распространенную в восточных землях тоску по «стабильности социализма», декларируя, что она за социализм, но для одной нации. Активисты партии создавали в маленьких городках спортивные кружки, клубы для молодежи [Белинский, 2020: 99]. При этом правым экстремистам зачастую удавалось увязывать требования социальной справедливости с кампаниями против миграции, которая отнимает у немцев рабочие места и перспективы лучшей жизни. Эта риторика принесла свои плоды в 2004 и 2009 гг., когда НДПГ сумела пройти в ландтаг Саксонии (9,2 и 5,6%), а в 2006 и 2011 гг. – в земельный парламент Мекленбурга – Передней Померании (9,6 и 6%).

И хотя за почти три десятка лет единства социально-экономическая ситуация на территории бывшей ГДР значительно улучшилась, дисбаланс в развитии между регионами по-прежнему сохраняется. В 2019 г. ВВП пяти восточных земель без Берлина колебался от 28 880 до 31 453 евро на человека, в то время как на западе — от 33 712 до 66 879 евро¹⁹. Это во многом связано с тем, что в «новых» федеральных землях преобладают мелкие предприятия и филиалы²⁰, а головные офисы и крупные компании со стратегическими предпринимательскими функциями (исследования, развитие) находятся в «старых» землях [Vereintes Land..., 2019: 9], производительность труда на востоке минимум на 20% ниже, чем на западе²¹. Такая си-

насилия правых радикалов произошел в 1993 г. в западной земле Северный Рейн — Вестфалия в г. Золингене, где скинхеды подожгли дом турецкой семьи. Две женщины и три девочки погибли, четырнадцать человек пострадали.

¹⁹ Bruttoinlandsprodukt – injeweiligen Preisen — 1991 bis 2019 // Statistik. Available at: <https://www.statistik-bw.de/VGRdL/tbIs/tab.jsp#tab07> (accessed: 14.09.2020).

²⁰ Kühl J. 25 Jahre deutsche Einheit: Annäherungen und verbliebene Unterschiede zwischen West und Ost // Bundeszentrale für politische Bildung. Available at: <http://www.bpb.de/politik/innenpolitik/arbeitsmarktpolitik/55390/25-jahre-deutsche-einheit> (accessed: 05.12.2017).

²¹ Ostdeutschland weit weniger produktiv als der Westen // Mitteldeutscher Rundfunk. Available at: <https://www.mdr.de/nachrichten/wirtschaft/inland/iwh-studie-produktivitaet-ostdeutschland-wende-100.html> (accessed: 05.03.2019).

туация сказывается и на уровне зарплат на востоке: он составляет 81% среднего по ФРГ [Vereintes Land..., 2019: 9].

Отнюдь не способствует экономическому росту и демографическая ситуация на территории бывшей ГДР, поскольку в связи с лучшими социально-экономическими условиями на западе многие «осси» предпочитали в поисках лучшей жизни перебираться в «старые» земли, особенно на развитый юг. С 1990 г. отрицательное сальдо миграционного потока в «новых» землях составляет 1,2 млн человек [Vereintes Land..., 2019: 11]. В настоящий момент доля уезжающих значительно снизилась, а в 2017 и 2018 гг. миграционное сальдо впервые стало даже положительным²². Однако долгий период эмиграции преимущественно молодых активных образованных людей привел к тому, что сегодня средний возраст населения в «новых» землях выше, чем в «старых». Этот фактор затрудняет экономическое развитие и является дополнительным бременем для системы социального страхования.

Не меньшее значение, чем реальные экономические трудности, имело социальное самочувствие жителей «новых» федеральных земель. Важно, что сами восточные немцы были недовольны своим «местом под солнцем» в объединенной ФРГ. По данным социологических опросов, в 2019 г. 47% западных и только 36% восточных немцев оценивали развитие «новых» федеральных земель после объединения как успешное, в то время как противоположного мнения придерживались 17 и 26% опрошенных [Köcher, 2019: 9]. Серьезное раздражение жителей восточных регионов вызывает и щедрая помощь федерального правительства беженцам из стран Ближнего Востока. Когда министр по проблемам интеграции Саксонии П. Кёппинг (СДПГ) пригласила сторонников движения ПЕГИДА, чтобы обсудить с ними причины неприязни к мигрантам, она услышала не критику беженцев, а жалобы на личные неудачи саксонцев, а также призыв: «Вначале интегрируйте нас!»²³

Однако этаблированные партии остались глухи к этим требованиям, списав их на недостаток демократичности и толерантности

²² Wanderungsbewegungen in Ost- und Westdeutschland // Statistisches Bundesamt. Available at: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Querschnitt/Demografischer-Wandel/Aspekte/demografie-wanderungen.html> (accessed: 20.08.2020).

²³ Hähnig A., Machowecz M., Schönian V., Schwarz P. Der ganz Nahe Osten // Die Zeit. 28.09.2017. Available at: <http://www.zeit.de/2017/40/bundestagswahl-ostdeutschland-sachsen-alternative-fuer-deutschland/komplettansicht> (accessed: 05.07.2017).

своих восточных сограждан. Более того, не было предпринято серьезных попыток наладить с населением диалог, понять и развеять страхи части восточных немцев перед мигрантами. Проснулись старые предубеждения, стереотипы о правых «осси». Не на высоте, с точки зрения восточных немцев, оказалась и «Левая партия», традиционно позиционирующая себя в качестве «адвоката» востока в бундестаге. Зиждившаяся на идеях интернационализма и гуманизма позиция партии в ходе миграционного кризиса 2015 г., хотя и выглядела благородной, не нашла поддержки и понимания у ее избирателей.

В итоге «неприкаянный» электорат частично попал под влияние «Альтернативы для Германии». Правые популисты не только умело раздували предрассудки населения по отношению к мигрантам, но и перехватили у своих политических оппонентов социально-экономическую риторику. В восточных землях эта партия позиционирует себя гарантом социальной, общественной и экономической стабильности, играет на страхах перед безработицей и преступностью²⁴. Несмотря на подобные усилия, большинство электората «новых» федеральных земель не относит заботу о социальной справедливости к основным компетенциям партии. Тем не менее социальные опросы свидетельствуют, что для избирателей «Альтернативы для Германии» в большей мере, чем для сторонников других политических сил, характерны недовольство своим экономическим положением, представление, что жизненные условия ухудшились, разочарование в том, как происходило объединение Германии. В Мекленбурге — Передней Померании большинство безработных отдали свои голоса правым популистам²⁵.

Однако представляется, что поддержку правых нельзя объяснить только социально-экономическими проблемами населения или неуверенностью в своем будущем. Это иллюстрирует пример туристического центра Бад-Шандау в так называемой Саксонской Швейцарии, активно развивавшейся после воссоединения. В этом городке «Альтернатива для Германии», чьи успехи могут угрожать

²⁴ Raum J. Interview: Warum wählen junge Leute die AfD? // Friedrich — Naumann — Stiftung. 15.10.2019. Available at: <https://www.freiheit.org/gesellschaft-interview-warum-waehlen-junge-leute-die-afd> (accessed: 20.08.2020).

²⁵ Umfragen zu Ostdeutschland. Wie beurteilen die Menschen die Lage in Ostdeutschland? // Tagesschau. 27.10.2019. Available at: <https://wahl.tagesschau.de/wahlen/2019-10-27-LT-DE-TH/umfrage-ostdeutschland.shtml> (accessed: 21.08.2020).

сфере туризма, на выборах в Бундестаг в 2017 г. получила рекордные 37,5%²⁶.

О том, что поддержка правых сил не обусловлена только социально-экономическими факторами, писали исследователи В. Патцельт (Дрезденский технический университет) и Й. Клозе (Фонд Конрада Аденауэра). В своей книге, посвященной феномену ПЕГИДА, они отмечали, что большинство участников движения относились к среднему классу [Klose, Patzelt, 2016: 161].

«Надо оплакивать погибших детей, а не проигранные войны»: переосмысление преступлений национал-социализма

После окончания войны и до образования двух немецких государств основную ответственность по «денацификации» Германии взяли на себя страны-победительницы. После Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками в 1946 г. в четырех оккупационных зонах распространялись материалы суда, проводилась политика люстрации.

В советской оккупационной зоне, а затем и в ГДР произошла полная замена старой элиты. Новые кадры управленцев формировались из различных источников. Здесь были и вернувшиеся из эмиграции коммунисты (В. Ульбрихт, К. Вольф), участники Сопротивления, подвергшиеся репрессиям в Третьем рейхе (Э. Хонеккер, Э. Мильке), и даже направленные из советского плена в антифашистскую школу бывшие военнослужащие вермахта (Х. Модров).

Как советские органы, так и немецкие суды проводили процессы над военными преступниками. Однако наряду с безусловным осуждением нацистского прошлого, верхушки НСДАП, военной и экономической элиты рейха в конце 1940-х — начале 1950-х годов и в Западной, и в Восточной Германии начался процесс «ползучего возвращения» в общественную жизнь нацистов низшего и среднего звена. Уже в 1946 г. председатель СЕПГ В. Пик выступил за интеграцию «номинальных нацистов». Это вызвало возмущение коммунистов, переживших нацистские концлагеря²⁷, однако впоследствии

²⁶ Bollmann R. Migranten im eigenen Land // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 03.10.2017. Available at: http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/viele-ostdeutsche-haben-sich-nicht-integriert-15225712.html?printPagedArticle=true#pageIndex_0 (accessed: 05.07.2020).

²⁷ Haberkorn T. Kriegsverbrecherverfolgung in der SBZ und frühen DDR 1945–1950 // Bundeszentrale für politische Bildung. 20.04.2012. Available at: <https://www.bpb.de/>

предложение В. Пика поддержал будущий генеральный секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт.

После Вальдхаймерских процессов 1950 г., на которых было предъявлено обвинение около 3400 бывшим заключенным советских лагерей для интернированных, 3-й съезд СЕПГ заявил, что «корни фашизма» в ГДР уничтожены²⁸. Информбюро ГДР выступило с сообщением, что судебные органы будут продолжать бороться против тех, кто пытается нарушить мир и демократическое строительство, но при этом простым членам нацистской партии была и будет предоставлена возможность активно участвовать в этом процессе [Osterloh, Vollnhals, 2012: 230].

Параллельно с официальным осуждением истребительной войны на Востоке шла интеграция в общество и бывших военнослужащих вермахта. Постепенно уходили в прошлое попытки представить солдат соучастниками преступлений режима. В новообразованной ГДР осуждались элиты, а солдаты изображались обманутыми жертвами пропаганды. И хотя в Восточной Германии, в отличие от ФРГ, не позволялась героизация вермахта²⁹, в то же время всячески поддерживалась идея «осознания» и «перевоспитания». Внимание уделялось теме немецких солдат, осознавших в плену всю пагубность национал-социализма и необходимость построения нового социалистического общества.

В 1952 г. (параллельно с похожими процессами в Западной Германии) в ГДР был принят «Закон о гражданских правах бывших офицеров вермахта и бывших членов и сторонников НСДАП», отменявший ограничения в гражданских и политических правах для соответствующих категорий населения, не участвовавших в военных преступлениях и преступлениях против человечества [Reif-Spirek, Ritscher, 1999: 227]. Одновременно с этим были снижены требования для вступления в СЕПГ, которая становилась массовой партией.

[geschichte/zeitgeschichte/deutschlandarchiv/132873/kriegsverbrecherverfolgung-in-sb-und-frueher-ddr?p=all](https://www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/deutschlandarchiv/132873/kriegsverbrecherverfolgung-in-sb-und-frueher-ddr?p=all) (accessed: 12.07.2020).

²⁸ Brumlik M. Ostdeutscher Antisemitismus: Wie braun war die DDR? // Bundeszentrale für politische Bildung. 30.04.2020. Available at: <https://www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/deutschlandarchiv/308396/ostdeutscher-antisemitismus-wie-braun-war-die-ddr> (accessed: 12.09.2020).

²⁹ В ФРГ господствовал миф о «невинном вермахте», возводились мемориалы, одновременно посвященные погибшим в Первой и Второй мировых войнах. К тому же, в отличие от ГДР, в Западной Германии не велась борьба с реваншизмом относительно восточных немецких земель, перешедших к Польше.

Следствием этой политики стало то, что уже в 1953 г. 15% членов СЕПГ составляли бывшие офицеры вермахта [Greven, Wrochem, 2000: 243].

С усилением холодной войны борьба с нацизмом практически полностью перешла в плоскость пропаганды, целью которой стала дискредитация ФРГ. В частности, в 1965 г. в ГДР была выпущена «Коричневая книга», в которой рассказывалось о нацистских и военных преступниках, занимавших важные посты в Западной Германии [Schwartz, 2012: 2]. Данный материал должен был подкреплять важнейший тезис восточногерманской пропаганды о том, что ФРГ фактически является наследницей Третьего рейха, а ГДР строит новое общество, свободное от грехов прошлого.

Параллельно с этим активно шел процесс формирования мифологии нового антифашистского государства. В то время как в СССР разгром рейха не рассматривался как освобождение Германии³⁰, Коммунистическая партия Германии и представители антифашистского сопротивления из СДПГ, ХДС, ЛДПГ уже в 1945 г. выдвинули тезис о том, что Красная армия освободила немецкий народ от гитлеровского режима [Уль, 2020: 32]. Изначально дискурс «освобождения» был направлен на укрепление власти социалистической элиты, подвергавшейся при национал-социализме преследованию, однако впоследствии стал основой формирования идентичности всего молодого государства. При генеральном секретаре ЦК СЕПГ Э. Хонеккере идея освобождения нашла подтверждение в концепции формирования двух немецких наций.

Идея об образовании антифашистского государства в результате освобождения советскими солдатами немецкого народа подкреплялась различными ритуалами. В частности, ежегодно 8 мая в Трептов-парке у мемориала «Воин-освободитель» партийные функционеры выступали с торжественными речами перед пионерами и членами Союза свободной социалистической немецкой молодежи [Флакке, Шмигельт, 2005: 122].

Однако главная проблема заключалась в том, что многие факты нацистского прошлого затушевывались или замалчивались официальной пропагандой. В первую очередь это касалось личной ответственности немцев за преступления, совершенные ими в годы

³⁰ В отличие от Германии, в отношении ее союзников использовались формулировки «освобождение Венгрии», «освобождение Австрии» и т.д.

Второй мировой войны. Если в Западной Германии после 20 лет молчания³¹ поколение бунтарей 1968 г. и молодых историков в полный голос заговорило о вине старших за преступления нацистского режима, то в Восточной Германии ситуация выглядела иначе. Нельзя сказать, что разговоры о коллективной вине и осознание своей ответственности за прошлое в ГДР полностью отсутствовали. Например, оппозиционерка, одна из участниц «Нового форума» Э. Райх вспоминала, как в ее школьные годы детям разъясняли, что они носят синие, а не красные пионерские галстуки, потому что их народ несет ответственность за войну и был освобожден Красной армией. Позднее при Э. Хонеккере акцент в воспитании стали делать не на чувстве ответственности или благодарности, а на гордости за принадлежность к антифашистскому государству³². Проблемы бытового национализма и ксенофобии время от времени поднимали отдельные представители интеллигенции ГДР, как в случае с книгой К. Вольфа «Образы детства». Однако в целом СЕПГ не поддерживала низовые практики переосмысления нацистского прошлого, поскольку такие дискуссии могли неизбежно бросить нежелательную тень на социалистическое государство.

Со временем к этому добавился и кризис официального антифашизма, который, по словам немецкого историка М. Уля, становился всё более расплывчатым [Уль, 2020: 34]. Культура воспоминаний (*Erinnerungskultur*) в ГДР стала всё чаще сводиться к стереотипам и штампам, которые не находили никакого отклика у основной массы населения. Лозунги антифашизма не только теряли свое содержание, но и для части населения приобретали отрицательные коннотации, так как руководство СЕПГ инструментализировало данную идею для борьбы с политическими противниками. Так, восстание 17 июня 1953 г. описывалось как «попытка фашистского переворота», а Берлинская стена официально именовалась «антифашистским оборонительным валом».

³¹ В Западной Германии после проведения Нюрнбергского процесса 1946 г. и ряда публикаций о преступлениях Третьего рейха в переосмыслении недавнего прошлого наступила пауза, продолжавшаяся до середины 1960-х годов. Это было связано как с интеграцией бывших национал-социалистов, чиновников, военных, интеллектуалов в новую политическую систему, так и с нежеланием политической элиты страны вносить раскол в общество в условиях холодной войны [Кёниг, 2012].

³² Интервью М.В. Хорольской с Й. и Э. Райхами (13.12.2017).

Замалчивание властями неудобных тем, однобокий подход к осмыслению прошлого и подспудно бродившие в обществе националистические настроения время от времени вырывались наружу, оборачиваясь конфликтами на межнациональной почве. Как отмечает немецкий историк Х. Вайбель, долгое время работавший с архивами Министерства государственной безопасности и СЕПГ, столкновения на национальной почве происходили в 1970–1980-х годах между местным населением и иностранными рабочими из Кубы, Алжира и Мозамбика. «Начиная с середины 1970-х общезжития, в которых проживали иностранцы, 40 раз подвергались нападению. Проживавшие там подвергались избиению, окна были выбиты камнями» [Waibel, 2014: 293]³³. Официальные власти ГДР предпочитали замалчивать эти инциденты, чтобы не бросать тень на антифашистский имидж страны.

Рост националистических настроений был следствием не только сохранявшейся внутри общества ксенофобии, но и своего рода формой протеста молодежи против опостылевшей официальной идеологии. Отчасти отторжением власти СЕПГ и геронтократии объясняется и рост неофашистских молодежных объединений в ГДР в конце 1980-х годов³⁴.

В последние годы существования ГДР уже было невозможно не замечать ультраправое молодежное движение. Так, в 1987 г. внимание западной прессы и партийной верхушки ГДР привлек скандальный случай в восточноберлинской Сионскирхе. Во время панк-концерта (где в том числе выступала западная группа) в нее ворвались около 30 скинхедов и напали на участников с криками: «Вы красные свиньи», «Sieg Heil!» и т.п. Последствием данного случая стало создание в ГДР совместного исследовательского проекта криминальной полиции и ученых из Гумбольдтского университета. По итогам его работы участники проекта пришли к выводу, что

³³ Waibel H. Vertuschung // Die Zeit. 06.05.2020. Available at: <https://www.zeit.de/2020/20/harry-waibel-rechtsextreme-ddr-sed> (accessed: 29.09.2020).

³⁴ Wagner B. Vertuschte Gefahr: Die Stasi & Neonazis // Bundeszentrale für politische Bildung. 02.01.2018. Available at: <https://www.bpb.de/geschichte/deutsche-geschichte/stasi/218421/neonazis> (accessed: 19.09.2020); Riebe J. Rechtsextremismus in der DDR // Lernen aus der Geschichte. 15.04.2014. Available at: <http://lernen-aus-der-geschichte.de/Lernen-und-Lehren/content/12060> (accessed: 29.09.2020).

в ГДР в среднем насчитывается около 6000 неонацистов, причем около 1000 готовы к применению насилия³⁵.

«Наши мертвые нас не отставят в беде»: Пруссия, Фридрих II и строительство «социалистической нации»

Говоря о причинах роста националистических настроений на востоке Германии, нужно отметить, что не меньшее значение, чем социально-экономические факторы или не до конца проработанное «коричневое» прошлое, имела, как это ни парадоксально, политика идентичности СЕПГ в 1970–1980-х годах.

Как дерево, чья корневая система нуждается в постоянном притоке подземных вод, любое государство нуждается в мифе, являющемся одновременно и своеобразной точкой отсчета в истории народа, и катализатором формирования национальной идентичности. Такие образы, как «Москва — третий Рим», «золотой век» Англии или же Италия как наследница цезарей, несмотря на идеологическую разноплановость, служат ярчайшими примерами конструирования национальной идеологии. Возникшее в буквальном смысле на руинах Третьего рейха «первое государство рабочих и крестьян на немецкой земле» не было исключением.

После 1945 г. сначала в советской зоне оккупации (Sowjetische Besatzungszone), а затем в ГДР при активном участии СЕПГ стали формироваться два мифа, призванные заложить идеологический фундамент восточногерманского государства: теория двух линий в немецкой истории (Zwei Linien Theorie) и миф об антифашизме ГДР. В основе первой лежала идея о противостоянии реакционных и прогрессивных сил в немецкой истории: немецкие князья и вожди крестьянского восстания XVI в., душитель демократической революции 1848 г. Фридрих Вильгельм IV и основоположники марксизма, А. Гитлер и Э. Тельман, буржуазно-реакционная ФРГ и социалистическая ГДР. Восточный Берлин же выступал одновременно и оплотом антифашизма, и наследником всех борцов за социальную справедливость. Совершенно очевидно, что в этой жестко идеологизированной схеме все исторические деятели или события, не соответствующие разработанным партийными функционерами

³⁵Vertuschte Gefahr: Die Stasi & Neonazis // Bundeszentrale für politische Bildung. Available at: <https://www.bpb.de/geschichte/deutsche-geschichte/stasi/218421/neonazis> (accessed: 29.09.2020).

критериям «прогрессивности», безжалостно вычеркивались из пантеона истории или затушевывались. Пруссия, этот традиционный поставщик императоров, генералов и исполнительных чиновников, была объявлена теперь оплотом реакции и милитаризма, который, по замыслам партийных идеологов, должен был оттенять героическую борьбу социалистов и коммунистов за лучшую Германию. Решение Союзного контрольного совета от 25 февраля 1947 г. «О ликвидации прусского государства», а также проведение на востоке страны земельной реформы, приведшей к национализации юнкерских поместий, также не способствовали формированию положительного имиджа Пруссии. «Фридрих [Фридрих II Великий. — А.Б., М.Х.] был в примитивной, соответствовавшей духу времени форме зачинателем поздних методов агрессии и стратегии прусско-германского Большого генерального штаба. В тактике блицкрига он был, бесспорно, учителем Вильгельма II и Гитлера», — отмечалось в монографии восточногерманского историка А. Абуша «Ложный путь нации» [Zimmering, 2000: 320]. Таким образом, Пруссия, составлявшая и территориально, и политически ядро немецкой государственности, стала с конца 1940-х годов выступать не только символом войны и реакции, но и прародиной национал-социализма³⁶. Именно такая точка зрения преобладала в исторической литературе и официальной пропаганде в течение первых 25 лет существования ГДР.

Однако с начала 1970-х годов позиция партии в отношении и Пруссии, и немецкой истории в целом стала постепенно меняться в сторону их реабилитации. Переосмысление собственной истории было напрямую связано с изменениями идеологической линии СЕПГ, а именно — с появлением на свет концепции «социалистической нации». Первой ласточкой стало заявление председателя правящей партии В. Ульбрихта на пресс-конференции 19 января 1970 г.: «Это историческая реальность. ГДР — это социалистическое немецкое национальное государство, западногерманская Федеративная Республика — капиталистическое государство, член НАТО, к тому же с ограниченным суверенитетом»³⁷. После «смены караула» и

³⁶ Взгляд на Пруссию как на агрессивное милитаристское государство во многом был сформирован классиками марксизма, а также представителями немецкой интеллигенции (Г. Гейне, К. Тухольским и др.).

³⁷ Hass H. Zukunft verammeln // Der Spiegel. 16.02.1970. Available at: <https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/45202535> (accessed: 16.08.2020).

прихода к власти Э. Хонеккера в 1971 г. идея «социалистической нации» продолжила пробивать себе дорогу. На страницах официального партийного печатного органа Neues Deutschland в 1974 г. он заявил: «Поскольку этот путь в Западной Германии был закрыт [строительство социализма. — *А.Б., М.Х.*], в Германской Демократической Республике сложилась социалистическая нация, которая по всем основным характеристикам отличается от буржуазной нации в ФРГ»³⁸. Значение слов Э. Хонеккера заключалось в том, что происходило постепенное смещение акцентов с антагонистической борьбы буржуазии и пролетариата на соревнование двух наций, пусть и обильно приправленное классово-риторикой³⁹.

Можно предположить, что этот идеологический поворот был обусловлен следующими факторами. Во-первых, к середине 1970-х годов антифашистский миф, составлявший сердцевину идеологии ГДР, уже изрядно потускнел и не мог выполнять в полной мере возложенную на него функцию консолидации общества вокруг СЕПГ⁴⁰. Во-вторых, расчет делался на то, что, в отличие от официального антифашизма, направленного в первую очередь на убежденных коммунистов и часть партаппарата, апелляция к национальным чувствам и немецкой истории найдет значительно больший отклик среди населения. В условиях отчужденности между властью и обществом, которая до 1961 г. выражалась в массовом «голосовании ногами», это обстоятельство играло далеко не последнюю роль⁴¹. Наконец, в-третьих, руководство ГДР очевидно не желало полностью отдавать прошлое на откуп ФРГ, своему идеологическому и политическому сопернику в холодной войне.

³⁸ Neues Deutschland. 13.12.1974.

³⁹ Смена идеологических парадигм отразилась и в Конституции ГДР. Если в 1949 г. провозглашался принцип единства Германии, то в редакции 1968 г. речь шла о «социалистическом государстве немецкой нации». Правда, впоследствии, в 1974 г., эта формулировка была удалена.

⁴⁰ Безусловно, это не означало, что официальное руководство ГДР полностью отказалось от него. Чествования коммунистов и борцов сопротивления, обязательное посещение концлагеря Бухенвальда оставались частью официальной культуры.

⁴¹ В этом отношении ГДР во многом прошла тот же путь, что и Советский Союз в 1920–1940-е годы. Если в первые годы после революции история России представлялась главным образом как борьба угнетенных против угнетателей, то с середины 1930-х годов и особенно накануне Великой Отечественной войны официальная пропаганда всё чаще стала обращаться к патриотизму и именам прославленных русских полководцев (Кутузова, Суворова, Баграциона).

Именно эти причины в конечном счете и обусловили изменение отношения официальной пропаганды ГДР к собственному прошлому, в первую очередь к Пруссии и ее государственным деятелям⁴². К тому времени среди части историков уже наметилась тенденция к переосмыслению роли как прусского государства, так и его политических лидеров (О. фон Бисмарка, Фридриха II). Изменение идеологической линии СЕПГ дало «зеленый свет» для более тщательного и взвешенного изучения прошлого. Начало этому процессу положили работы исследовательницы И. Миттенцвай «Фридрих II Прусский» и «Пруссия после Семилетней войны», в которых был представлен более взвешенный взгляд на личность знаменитого монарха. «Автор уделила много внимания теоретическим трудам [Фридриха II. — А.Б., М.Х.], которые едва затрагивались на занятиях в школе и литературе, и показала политическое, культурное наследие <...> Фридриха...» [Zimmering, 2000: 337]. Положительную оценку получили и реформы короля, «которые пошли на пользу нижним слоям населения, а также торговой и промышленной буржуазии» [Zimmering, 2000: 337]. Примечательно, что работы И. Миттенцвай получили похвалу и самого генерального секретаря ЦК СЕПГ, который в 1980 г. в радиоинтервью заявил следующее: «Биография Фридриха Великого⁴³ Ингрид Миттенцвай, работа, которую я в целом очень ценю, не придираясь к каждому предложению, с этой точки зрения является не прорывом, а результатом нашего отношения к наследию [Фридриха II. — А.Б., М.Х.]» [Zimmering, 2000: 340].

Вслед за работой И. Миттенцвай последовали и другие исследования, которые продолжили теперь уже открытый процесс «реабилитации Пруссии» и ее наследия. Прусский ренессанс не обошел стороной и школьную программу, и вот уже в учебнике по истории 1988 г. можно было прочесть такие строки: «...в 1740 г. на прусский трон вззошел король [Фридрих II. — А.Б., М.Х.], который по политической прозорливости превосходил большинство правителей той эпохи и был к тому же одаренным полководцем» [Zimmering, 2000: 348]. Венцом этого процесса стала вышедшая из-под пера историка Э. Энгельберга биография О. фон Бисмарка, убежденного

⁴² Тот факт, что значительная часть ГДР находилась на территории бывшей Пруссии, собственно, и обусловил такое пристальное внимание к ее истории.

⁴³ Примечательно, что в своем интервью Э. Хонеккер не просто признал заслуги Фридриха II, но и назвал прусского короля великим. Это полностью противоречило всей предыдущей идеологической линии СЕПГ.

монархиста и автора чрезвычайного закона о социалистах, в которой отдавалось должное заслугам «железного канцлера» в деле объединения Германии.

Интерес коснулся не только исторической науки, но и сферы культуры. Возвращение конной статуи Фридриха Великого, находившейся без малого 30 лет в «ссылке» в парке королевского дворца в Сан-Суси, на свое прежнее место на Унтер ден Линден в 1981 г., ряд крупных выставок, посвященных истории и культуре Пруссии, и выход на экраны многосерийного фильма «Блеск Саксонии и слава Пруссии» (*Sachsens Glanz und Preussens Gloria*) широкими мазками дополняли общую картину.

Особенно культ Пруссии был силен в Национальной народной армии (*Nationale Volksarmee*) ГДР, в которой дискуссия о важности опоры на прошлое и патриотическом воспитании началась еще в 1960-х годах. «Культивирование национальных традиций не в последнюю очередь служит цели пробудить в солдатах Народной армии собственное национальное самосознание, своего рода гордость. У них не должно быть комплекса неполноценности по отношению к Федеративной Республике и тем более к бундесверу, который здесь называют “Буве”», — писала западногерманская *Die Zeit* в 1963 г.⁴⁴ Если в 1950–1960-х годах образцом для подражания служили герои освободительной войны против Наполеона — генералы Шарнхорст и Гнейзенау, то со второй половины 1970-х годов официальные издания ННА стали писать о Фридрихе II более комплиментарно, отмечая его заслуги как на военном, так и на государственном поприще.

Таким образом, с приходом к власти Э. Хонеккера руководство ГДР сделало ставку на формирование «социалистической нации», что и обусловило обращение к национальным традициям и переоценку наследия ряда деятелей прошлого. Пруссия, являвшаяся в первые годы существования восточногерманского государства синонимом милитаризма и агрессии, стала рассматриваться в более позитивном ключе, а за самой ГДР было закреплено прочное место носителя лучших традиций прусского государства (верность долгу, дисциплина, исполнительность). Однако в какой мере были эффективны усилия, предпринятые партийным аппаратом, официальной наукой и интеллектуалами?

⁴⁴ Venohr W. Dieroten Preussen der Volksarmee // *Die Zeit*. 15.03.1963. Available at: <https://www.zeit.de/1963/11/die-roten-preussen-der-volksarmee> (accessed: 20.08.2020).

Немецкая исследовательница Р. Циммеринг, занимавшаяся политической мифологией ГДР, отмечает, что культивируемый властями «пруссский миф» в целом не нашел широкого отклика среди населения страны [Zimmering, 2000: 356–357]. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, идея построения «социалистической немецкой нации» так и не была реализована, о чем свидетельствуют прошедшие под лозунгом «Мы один народ» многотысячные митинги исторической осенью 1989 г. Однако разбросанные щедрой рукой СЕПГ семена «упали на добрую землю и принесли плод», пусть и не совсем тот, на который изначально рассчитывали вожди восточногерманского государства. Инструментализация истории, апелляция к государственным и военным деятелям прошлых эпох и ставка на патриотизм в конечном счете привели к росту национального самосознания среди восточных немцев⁴⁵.

Эта гипотеза напрямую подтверждается проведенным в 1990–1992 гг. исследованием Фонда Фридриха Эберта, которое было посвящено восприятию национальной идентичности молодежью «старых» и «новых» федеральных земель. На вопрос: «Гордитесь ли Вы тем, что являетесь немцем?» лишь 55,8% молодых людей «старых» федеральных земель ответили утвердительно, тогда как на востоке страны этот показатель составил 73,2% [Westle, 1995]⁴⁶. При этом предметами национальной гордости восточногерманской молодежи выступали «политическое единение» (27%), «экономическая система» (26,4%), «социальное единение» (12%), «культура» (11,3%) [Westle, 1995].

Сильнее, чем на западе страны, в восточных регионах ФРГ были выражены и антииммигрантские настроения, что объяснялось не только страхом перед экономической конкуренцией и потерей рабочих мест. Если в 1992 г. в «старых» федеральных землях доля молодых людей, отвергавших тезис об обогащении немецкой куль-

⁴⁵ В определенной степени проводимая с 1970-х годов политика идентичности СЕПГ обернулась против нее самой, когда в 1989–1990 гг. перед восточными немцами встала дилемма: сохранение социализма или воссоединение немцев. В конечном счете национальное самосознание оказалось сильнее обветшавшей коммунистической идеологии.

⁴⁶ Правда, следует отметить, что уже через год этот показатель упал до 55,3%. Это было в первую очередь связано с закрытием многих предприятий, высокой безработицей и крахом надежд на лучшую жизнь.

туры мигрантами, составляла 26,7 (16–17 лет) и 27,1% (18–29 лет), то на востоке она доходила соответственно до 44,3 и 38%.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением одной из авторов исследования Фонда Фридриха Эберта Б. Вестле, считающей, что восточным немцам было в целом присуще традиционное национальное самосознание, для которого характерен приоритет своей нации или национального государства, в то время как на западе страны превалировало рефлектирующее национальное или даже постнациональное сознание.

Результаты указанного исследования во многом перекликаются с данными социологического опроса Infratest Dimap, проведенного во время земельных выборов в Тюрингии и Бранденбурге в 2019 г. Так, большинство избирателей «Альтернативы для Германии» испытывали страх перед угрозой утраты немецкого языка и культуры⁴⁷, а также быстрыми изменениями в жизни⁴⁸.

Однако было бы некоторым упрощением объяснять «национальную гордость» восточных немцев исключительно политикой СЕПГ и расцветом культа Пруссии в 1970–1980-х годах⁴⁹. Можно выделить еще как минимум три обстоятельства, которые в связке с исторической политикой сыграли определенную роль в формировании или, точнее, сохранении национальной идентичности.

Во-первых, в отличие от ФРГ, которая еще с 1950-х годов стала активно стимулировать трудовую миграцию сначала из Италии, а с 1961 г. – и из Турции, численность иностранцев на территории ГДР не превышала 0,1%, а контакты с ними были строго ограничены и регламентированы. Эта относительная изолированность населения способствовала, с одной стороны, усилению коллективной идентичности, а с другой – отчужденному отношению к инородцам, особенно к выходцам из стран Африки или Ближнего Востока. Когда в 2015–2016 гг. по «новым» федеральным землям прокатилась волна нападений на общежития, где проживали мигранты, К. Биденкомпф,

⁴⁷ Landtagswahl 2019. Thüringen // [wahl.tagesschau.de. Available at: https://wahl.tagesschau.de/wahlen/2019-10-27-LT-DE-TH/charts/umfrage-wahlentscheidend/chart_490471.shtml](https://wahl.tagesschau.de/wahlen/2019-10-27-LT-DE-TH/charts/umfrage-wahlentscheidend/chart_490471.shtml) (accessed: 26.09.2020).

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Данные исследования Фонда Фридриха Эберта полностью коррелируют с личными впечатлениями одного из авторов статьи, вынесенными из общения с жителями Саксонии. К сильно выраженному у них национальному чувству примешивался локальный патриотизм.

занимавший с 1990 по 2002 г. пост министра-президента Саксонии, заметил: «Есть достаточно причин, почему население Восточной Германии, не только Саксонии, проявляет обеспокоенность из-за сильного притока беженцев. У населения не было опыта общения с мигрантами»⁵⁰.

Во-вторых, большая часть жителей ГДР, за исключением крупных городов (Берлин, Лейпциг, Дрезден), проживали в небольших населенных пунктах и деревнях, что, безусловно, наложило отпечаток на их мировоззрение. Как отмечают большинство социологов и этнологов, жители небольших населенных пунктов более консервативны, предпочитают стабильность переменам и с настороженностью относятся ко всему новому⁵¹.

Наконец, третьим фактором, который необходимо учитывать, говоря о национализме на территории «новых» федеральных земель, являются особенности политической культуры. Восточная Германия последовательно пережила две диктатуры — Третий рейх (1933–1945) и режим СЕПГ (1949–1990), что не могло не способствовать формированию авторитарного мышления у части населения. Основу мировоззрения авторитарной личности составляют четкое разделение на «черное» и «белое», ассоциирование себя с коллективом, который, по мнению психолога Э. Фромма, заменяет ей авторитет отца, отрицание всего, что не вписывается в ее картину мира. В проведенном в 2011 г. исследовании политической культуры жителей Бранденбурга отмечается, что восточные немцы меньше, чем их западные соседи, доверяют партиям и демократии, более склонны к авторитаризму и подчинению государству [Jaschke, 2011: 15]. Механизмы авторитарной культуры, отрицающей всёвыходящее за установленные государством «флажки», вполне могли быть экстраполированы и на межнациональные отношения. Диссидент, политически неблагонадежный заменялся на мигранта, официальная идеология — на «ведущую культуру» (Leitkultur). В уже упомянутом

⁵⁰ Von Billerbeck L. Anschläge sind, keine Form der politischen Artikulation? // Deutschlandfunk. 29.12.2015. Available at: https://www.deutschlandfunkkultur.de/kurt-biedenkopf-zu-fluechtlingsheimen-anschlaege-sind-keine.1008.de.html?dram:article_id=340989 (accessed: 03.10.2020).

⁵¹ Примечательно, что именно провинция во многом стала электоральной базой праворадикальных популистов Западной Европы и США. Прошедшие летом 2020 г. президентские выборы в Польше, на которых поддержка провинции в конечном счете склонила чашу весов в пользу А. Дуды, еще раз наглядно подтвердила эту тенденцию.

нами исследовании Фонда Фридриха Эберта отмечалось, что порядка трети населения Бранденбурга (34,6%) испытывало враждебность по отношению к иностранцам [Jaschke, 2011: 16]. Наряду с экономическими проблемами, повышенным чувством национального самосознания это обстоятельство сыграло не последнюю роль в распространении ксенофобии к востоку от Эльбы.

Можно ли «расколдовать» национализм?

Ставший предметом постоянных политических дискуссий и научных исследований, национализм в Восточной Германии представляет собой сложный феномен, в котором, как в слоеном пироге, друг на друга наложились социально-экономические факторы, особенности менталитета и политической культуры, помноженные на фрустрацию от произошедших кардинальных перемен и чувство уязвленности. Восточную Германию, которая изначально выступала центром объединения немецких земель и ядром государственности, традиционно отличал более высокий уровень национального самосознания, который сохранялся и в дальнейшем⁵². В первые 20 лет существования ГДР ее официальное руководство делало ставку на пролетарский интернационализм и антифашизм, предавая анафеме неугодных исторических деятелей. Однако шаткость коммунистической идеологии заставила Э. Хонеккера пойти на изменение внутренней политики, что повлекло за собой частичную реабилитацию прошлого. Нельзя не согласиться с мнением восточногерманского

⁵² Примечательно, что в начале 1930-х годов большинство голосов НСДАП набирала преимущественно в протестантских районах восточной и северо-восточной Германии. Американский социолог Майкл Манн в своей книге «Фашизм» пишет: «Однако к июлю 1932 г. активнее всех голосовали за нацистов исключительно протестанты: большая часть протестантского северо-востока (Восточная Пруссия, Померания, Мекленбург, Нижняя Силезия и Тюрингия), весь протестантский северо-запад, а также протестантские анклавы Гессена и Баварии (т.е. Франконии)» [Манн, 2019: 277–278]. Этот факт М. Манн справедливо увязывает с тем обстоятельством, что протестантская церковь изначально была связана с национальным государством и патриотические настроения среди духовенства и прихожан были вполне обыденным явлением. Даже Мартин Нимеллер, глава «Исповедальной церкви» и противник гитлеровского режима, в 1920-х — начале 1930-х годов поддерживал НСДАП, поскольку связывал с ней надежды на национальное возрождение. И хотя в настоящее время большинство восточных немцев являются скорее атеистами, заложенная еще в раннее Новое время национальная традиция в этих регионах по-прежнему жива на востоке ФРГ, что и объясняет электоральные успехи правых партий.

драматурга Х. Мюллера, полагавшего, что «...Восточная Германия, окруженная стеной, стала намного более немецкой, чем ФРГ»⁵³. При этом в восточногерманской культуре уделялось меньшее внимание проблеме личной ответственности каждого за преступления национал-социализма, соответственно у граждан ГДР и затем жителей «новых» федеральных земель не было таких внутренних барьеров для гордости за свою страну. На национальную гордость наложился крах экономики ГДР, под руинами которой были похоронены надежды восточных немцев на лучшую жизнь в объединенной Германии.

Не последнюю роль в укреплении национализма в «новых» федеральных землях сыграло и то обстоятельство, что политическому истеблишменту далеко не всегда удавалось найти «ключ к сердцу» своих сограждан к востоку от Эльбы. Непонимание политической культуры и ценностей «осси», которое нередко соседствовало с пренебрежительными высказываниями западных политиков, привело к формированию отчуждения между элитой и восточными немцами, чем сумели воспользоваться несистемные партии — «Левые» и «Альтернатива для Германии».

В целом можно заключить, что феномен восточногерманского национализма, несмотря на свою историческую специфику, не является чем-то уникальным. Пострадавшие от глобализации и деиндустриализации, брошенные на произвол судьбы старыми партиями районы Среднего Запада и Юга США, северо-восточной Франции и английских Ньюкасла и Ливерпуля также стали своеобразным резервуаром силы для правых популистов и националистов. Именно население этих областей («отверженные» XXI в.) составили электорат несистемных партий, обеспечив им впечатляющие успехи на выборах, в том числе и победу Д. Трампа в 2016 г.

В начале XX в. выдающийся немецкий социолог М. Вебер ввел в оборот термин «расколдовывание мира», в основе которого лежала идея рационального познания. Сегодня, когда ФРГ отмечает тридцатую годовщину объединения страны, перед немецкими политиками опять стоит задача «расколдовать» национализм на востоке Германии. Старые рецепты интеграции «новых» федеральных земель оказались не слишком успешными. Однако к этому времени

⁵³ Грыцына Ю. 1989. Система Германия. Томас Хайзе // Либидинальное киноведение. 03.04.2016. Available at: <http://www.cineticle.com/component/content/article/118-issue-21/1282-system-germany.html> (accessed: 01.10.2020).

уже подросло молодое поколение, готовое идти в политику и не желающее ассоциироваться с «праворадикальными идиотами»⁵⁴. Возможно, история дает ФРГ второй шанс наконец-то превратить восток страны в «цветущие ландшафты»?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадаева А.С. Правый поворот или новая альтернатива для Германии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 2. С. 88–105. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-88-105.

2. Белинский А.В. «Восстание против элит»: всплеск правого популизма в Европе и кризис либеральной демократии // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 14–36.

3. Белинский А.В. Зреют «гроздь гнева»: всплеск правого популизма в Европе и кризис либеральной демократии // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2017. № 46. С. 6–9.

4. Белинский А.В. «Придут честолюбивые дублеры...» Эволюция правого экстремизма в ФРГ в конце XX — начале XXI столетия // Россия и современный мир. 2020. № 1. С. 95–118. DOI: 10.31249/rsm/2020.01.06.

5. Вайденфельд В. Куда идут немцы? О морально-политическом будущем объединенной Германии // Россия и Германия в Европе. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 252–262.

6. Кёниг Х. Будущее прошлого: национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: РОССПЭН, 2012.

7. Манн М. Фашисты. Социология фашистских движений. М.: Пятый Рим, 2019.

8. Погорельская С.В. «Альтернатива для Германии»: без внутренней альтернативы? // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 1. С. 40–55. DOI: 10.32726/2411-3417-2018-1-40-55.

9. Романова Е.В. ФРГ: Восточная Германия — инновационный локомотив? // Современная Европа. 2010. № 4. С. 48–63.

10. Сумленный С. Немецкая система. Из чего сделана Германия и как она работает. М.: Группа Эксперт, 2010.

11. Тимошенко Е.П. «Альтернатива для Германии» в Бундестаге: поворот ФРГ вправо // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 3. С. 54–62. DOI: 10.15211/vestnikieran320185462.

⁵⁴ Lehmann T. Westdeutsche sollten aufhören, uns als rechtsradikale Idioten abzustempeln // Der Spiegel. 03.10.2020. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/tag-der-deutschen-einheit-junge-ostdeutsche-politiker-ueber-den-3-oktober-a-333e7e81-75a5-485e-a5fc-f5b4333e6f04> (accessed: 03.10.2020).

12. Тоганова Н.В. Адаптация Восточной Германии к рынку (1990–2010). М.: Крафт+, 2013.

13. Уль М. 8 мая в немецкой культуре памяти // Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020. С. 30–44.

14. Флакке М., Шмигельт У. Германская Демократическая Республика. Из мрака к звездам: государство в духе антифашизма // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габович. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 118–134.

15. Хорольская М.В. Различия в политической культуре востока и запада Германии в условиях кризисов ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 9. С. 100–110. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-100-110.

16. Хорольская М.В. Усиление правового популизма в ЕС (на примере партии «Альтернатива для Германии») // Будущее Европы: глобальные вызовы и возможные ответы / Отв. ред. Л.О. Бабынина. М.: Институт Европы РАН, 2018. С. 42–48.

17. Berg von H.L. Rechtsextremismus in Ostdeutschland seit der Wende // Rechtsextremismus / Ed. by W. Kowalsky, W. Schroeder. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1994. S. 103–126. DOI: 10.1007/978-3-322-94201-2_5.

18. Dierk B. Rechtsextremismus und Demokratieentwicklung in Ostdeutschland. Eine Zwischenbilanz nach zehn Jahren // Deutsche Zustände. Folge 10. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 2012. S. 246–260.

19. Förster P., Friedrich W. Jugendliche in Ostdeutschland. Leipzig: Forschungsstelle Sozialanalysen e.V. Leipzig, 1992.

20. Funke H. Die Höcke-AfD. Vom gäriigen Haufen zur rechtsextremen Flügel-Partei. Hamburg: VSA-Verlag, 2020.

21. Funke H., Gabriel R. Von Wutbürgern und Brandstiftern: AfD — Pegida — Gewaltnetze. Berlin: Verlag für Berlin-Brandenburg, 2016.

22. Funke H., Mudra C. Gäriger Haufen: Die AfD: Ressentiments, Regimewechsel und völkische Radikale. Handreichung zum demokratischen Widerstand. Hamburg: VSA-Verlag, 2018.

23. Greven M.Th., Wrochem O. von. Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik. Opladen: Leske und Budrich, 2000.

24. Hennig E. Dem Haß keine Chance: Ausländerstopp // Politische Bildung. 1993. 26. Jg. S. 33–47.

25. Hennig E. Neonazistische Militanz und fremdenfeindliche Lebensformen in der ‘alten’ und ‘neuen’ Bundesrepublik Deutschland // Rechtsradikale Gewalt im vereinigten Deutschland Jugend im gesellschaftlichen Umbruch / Ed. by H.-U. Otto. Opladen: Leske + Budrich, 1993. S. 64–79. DOI: 10.1007/978-3-322-97285-9_5.

26. Jaschke H-G. Analyse der politischen Kultur Brandenburgs im Hinblick auf ihre demokratiestützende oder demokratieproblematische Wirkung. Im Auftrag der Enquete-Kommission 'Aufarbeitung der Geschichte und Bewältigung von Folgen der SED-Diktatur und des Übergangs in einen demokratischen Rechtsstaat im Land Brandenburg' des Landtags Brandenburg. Potsdam, 2011. S. 15–16.

27. Klose J. Ein Land, zwei Perspektiven? Zum gesellschaftlichen Zusammenhalt 28 Jahre nach der friedlichen Revolution. Politikwissenschaft als Beruf. Wiesbaden: Springer VS, 2018. DOI: 10.1007/978-3-658-21557-6_28.

28. Klose J., Patzelt W.J. PEGIDA. Warnsignale aus Dresden. Dresden: Universitätsverlag und Buchhandel, 2016.

29. Köcher R. Große Herausforderungen im Osten Eine Dokumentation des Beitrags von Prof. Dr. Renate Köcher in der Frankfurter Allgemeinen Zeitung. 2019. No. 169. Institut für Demoskopie Allensbach. Available at: <https://docplayer.org/164657920-I-n-s-t-i-t-u-t-f-ue-r-d-e-m-o-s-k-o-p-i-e-a-l-l-e-n-s-b-a-c-h.html> (accessed: 20.10.2020).

30. Ködderitzsch P., Müller L. Rechtsextremismus in der DDR. Göttingen: Lamuv Taschenbuch, 1990.

31. Kraske M. Der Riss. Wie die Radikalisierung im Osten unser Zusammenleben zerstört. Berlin: Ullstein Verlag, 2020.

32. Niedermayer O. Bevölkerungseinstellungen zur Demokratie: Kein Grundkonsens zwischen Ost- und Westdeutschen // Zeitschrift für Parlamentsfragen. 2009. H. 2. S. 383–387. DOI: 10.5771/0340-1758-2009-2-383.

33. Osterloh J., Vollnhals C. NS-Prozesse und deutsche Öffentlichkeit: Besatzungszeit, frühe Bundesrepublik und DDR. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012.

34. Petersen T. Das Ende der 'Mauer in den Köpfen' Eine Dokumentation des Beitrags von Dr. Thomas Petersen in der Frankfurter Allgemeinen Zeitung Nr. 269 vom 19. November 2014 // IfD Allenbach. Available at: https://www.ifd-allensbach.de/fileadmin/kurzberichte_dokumentationen/FAZ_November_Mauer.pdf (accessed: 20.10.2020).

35. Rechtsradikale Gewalt im vereinigten Deutschland Jugend im gesellschaftlichen Umbruch / Ed. by H.-U. Otto. Opladen: Leske + Budrich, 1993.

36. Reif-Spirek P., Ritsher B. Speziallager in der SBZ. Gedenkstätten mit 'doppelter Vergangenheit'. Berlin: Ch. Links Verlag, 1999.

37. Schröder B. Rechte Kerle. Skinheads, Faschos, Hooligans. Reinbek: Rowohlt, 1992.

38. Schwartz M. Funktionäre mit Vergangenheit: Das Gründungspräsidium des Bundesverbandes. München: Oldenbourg Verlag, 2012. DOI: 10.1524/9783486717457.

39. Vereintes Land — drei Jahrzehnte nach dem Mauerfall. Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung Halle, 2019. Available at: <https://www.iwh-halle.de/>

fileadmin/user_upload/publications/sonstint/2019_iwh_vereintes-land_de.pdf (accessed: 20.10.2020).

40. Waibel H. Der gescheiterte Antifaschismus der SED. Rassismus in der DDR. Berlin: Peter Lang GmbH Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2014. DOI: 10.3726/978-3-653-04215-3.

41. Westle B. Nationale Identität und Demokratieverständnis junger Deutscher. Die Wiedergeburt des nationalistischen Denkens: Gefahr für die Demokratie. Bonn: Forschungsinstitut der Friedrich-Ebert-Stiftung (Hrsg.), 1995. P. 43–81.

42. Zick A., Krause D., Küpper B. Der Osten erhebt die feindselige Stimme? // Wut, Verachtung und Abwertung: Rechtspopulismus in Deutschland / Ed. by A. Zick, B. Küpper. 2015. Bonn: Dietz. P. 61–77.

43. Zimmering R. Mythen in der Politik der DDR. Ein Beitrag zur Erforschung politischer Mythen. Opladen: Leske + Budrich Verlag, 2000.

REFERENCES

1. Badaeva A.S. 2019. Pravyi povorot ili novaya al'ternativa dlya Germanii [Right turn or the new alternative for Germany]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, no. 2, pp. 88–105. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-88-105. (In Russ.)

2. Belinskii A.V. 2018. 'Vosstanie protiv elit': vsplesk pravogo populizma v Evrope i krizis liberal'noi demokratii ['The revolt against elites': Radical right populism surge in Western Europe]. *Aktual'nye problem Evropy*, no. 2, pp. 14–36. (In Russ.)

3. Belinskii A.V. 2017. Zreyut 'grozd'ya gneva': vsplesk pravogo populizma v Evrope i krizis liberal'noi demokratii ['The grapes of wrath grow ripe': Radical right populism surge in Europe and the crisis of liberal democracy]. *Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy*, no. 46, pp. 6–9. (In Russ.)

4. Belinskii A.V. 2020. 'Pridut chestolyubivye dublery...' Evolyutsiya pravogo ekstremizma v FRG v kontse XX — nachale XXI stoletiya ['There will come ambitious understudies...' The evolution of right extremism in Germany in the late XX — early XXI centuries]. *Rossiya i sovremennyyi mir*, no. 1, pp. 95–118. DOI: 10.31249/rsm/2020.01.06. (In Russ.)

5. Vaidenfel'd V. 1998. Kuda idut nemtsy? O moral'no-politicheskom budushchem ob'edinennoi Germanii [Where are the Germans going? On the moral and political future of a united Germany]. In: *Rossiya i Germaniya v Evrope* [Russia and Germany in Europe]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi myсли Publ., pp. 252–262. (In Russ.)

6. Kenig X. 2012. *Budushchee proshlogo: natsional-sotsializm v politicheskom soznanii FRG* [The future of the past: National Socialism in the political consciousness of the FRG]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

7. Mann M. 2019. *Fashisty. Sotsiologiya fashistskikh dvizhenii* [Fascists. Sociology of fascist movements]. Moscow, Pyaty Rim Publ. (In Russ.)

8. Pogorel'skaya S.V. 2018. 'Al'ternativa dlya Germanii': bez vnutrennei al'ternativy? ['Alternative for Germany': With no internal alternative?]. *Perspektivy. Ehlektronnyi zhurnal*, no. 1, pp. 40–55. DOI: 10.32726/2411-3417-2018-1-40-55. (In Russ.)

9. Romanova E.V. 2010. FRG: Vostochnaya Germaniya — innovatsionnyi lokomotiv? [FRG: East Germany — innovative locomotive?]. *Sovremennaya Evropa*, no. 4, pp. 48–63. (In Russ.)

10. Sumlennyi S. 2010. *Nemetskaya sistema. Iz chego sdelana Germaniya i kak ona rabotaet* [German system. What Germany is made of and how it works]. Moscow, Grupa Ekspert Publ. (In Russ.)

11. Timoshenkova E.P. 2018. 'Al'ternativa dlya Germanii' v Bundestage: povorot FRG vpravo ['Alternative for Germany' in the Bundestag: The turn of Germany to the right?]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 3, pp. 54–62. DOI: 10.15211/vestnikieran320185462. (In Russ.)

12. Toganova N.V. 2013. *Adaptatsiya Vostochnoi Germanii k rynku* [Adapting to the market of East Germany (1990–2010)]. Moscow, Kraft+ Publ. (In Russ.)

13. Ul' M. 2020. 8 maya v nemetskoj kul'ture pamyati [May 8 in the German culture of memory]. In: *Ne zabudem, no prostim? Obraz voiny v kul'ture i istoricheskoi pamyati* [Forgive but not forget? The image of war in culture and historical memory]. Moscow, Valdai Discussion Club Publ., pp. 30–44. (In Russ.)

14. Flakke M., Shmigel't U. 2005. Germanskaya Demokraticeskaya Respublika. Iz mraka k zvezdam: gosudarstvo v dukhe antifashizma [German Democratic Republic. From darkness to stars: A state in the spirit of anti-fascism]. In *Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [The memory of World War II 60 years later: Russia, Germany, Europe]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 118–134. (In Russ.)

15. Khorol'skaya M.V. 2017. Razlichiya v politicheskoi kul'ture vostoka i zapada Germanii v usloviyakh krizisov ES [Differences in the political culture of the East and West of Germany in the context of the EU crises]. *World Economy and International Relations*, no. 9, pp. 100–110. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-100-110. (In Russ.)

16. Khorol'skaya M.V. 2018. Usilenie pravogo populizma v ES (na primere partii 'Al'ternativa dlya Germanii') [The rise of right-wing populism in the EU (the case of the Alternative for Germany Party)]. In: *Budushchee Evropy: global'nye vyzovy i vozmozhnye otvety* [The future of Europe: Global challenges and possible responses]. Moscow, IE RAN Publ., pp. 42–48. (In Russ.)

17. Berg von H.L. 1994. Rechtsextremismus in Ostdeutschland seit der Wende. In: Kowalsky W., Schroeder W. (eds.). *Rechtsextremismus*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, pp. 103–126. DOI: 10.1007/978-3-322-94201-2_5.

18. Dierk B. 2012. Rechtsextremismus und Demokratieentwicklung in Ostdeutschland. Eine Zwischenbilanz nach zehn Jahren. *Deutsche Zustände*. Folge 10. Frankfurt, Suhrkamp Verlag. S. 246–260.

19. Förster P., Friedrich W. 1992. *Jugendliche in Ostdeutschland*. Leipzig, Forschungsstelle Sozialanalysen e.V. Leipzig.

20. Funke H. 2020. *Die Höcke-AfD. Vom gärrigen Haufen zur rechtsextremen Flügel-Partei*. Hamburg, VSA-Verlag.

21. Funke H., Gabriel R. 2016. *Von Wutbürgern und Brandstiftern: AfD — Pegida — Gewaltnetze*. Berlin, Verlag für Berlin-Brandenburg.

22. Funke H., Mudra C. 2018. *Gärriger Haufen: Die AfD: Ressentiments, Regimewechsel und völkische Radikale. Handreichung zum demokratischen Widerstand*. Hamburg, VSA-Verlag.

23. Greven M.Th., Wrochem O. von. 2000. *Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik*. Opladen, Leske und Budrich.

24. Hennig E. 1993a. Dem Haß keine Chance: Ausländerstopp. *Politische Bildung*. S. 33–47.

25. Hennig E. 1993b. Neonazistische Militanz und fremdenfeindliche Lebensformen in der ‘alten’ und ‘neuen’ Bundesrepublik Deutschland. In: Otto H.-U. (ed.). *Rechtsradikale Gewalt im vereinigten Deutschland Jugend im gesellschaftlichen Umbruch*. Opladen, Leske + Budrich. S. 64–79.

26. Jaschke H.-G. 2011. *Analyse der politischen Kultur Brandenburgs im Hinblick auf ihre demokratiestützende oder demokratieproblematische Wirkung. Im Auftrag der Enquete-Kommission ‘Aufarbeitung der Geschichte und Bewältigung von Folgen der SED-Diktatur und des Übergangs in einen demokratischen Rechtsstaat im Land Brandenburg’ des Landtags Brandenburg*. Potsdam. S. 15–16.

27. Klose J. 2018. *Ein Land, zwei Perspektiven? Zum gesellschaftlichen Zusammenhalt 28 Jahre nach der friedlichen Revolution*. Politikwissenschaft als Beruf. Wiesbaden, Springer VS. DOI: 10.1007/978-3-658-21557-6_28.

28. Klose J., Patzelt W.J. 2016. *PEGIDA. Warnsignale aus Dresden*. Dresden, Universitätsverlag und Buchhandel.

29. Köcher R. 2019. Große Herausforderungen im Osten Eine Dokumentation des Beitrags von Prof. Dr. Renate Köcher in der Frankfurter Allgemeinen Zeitung, no. 169. *Institut für Demoskopie Allensbach*. Available at: <https://docplayer.org/164657920-I-n-s-t-i-t-u-t-f-ue-r-d-e-m-o-s-k-o-p-i-e-a-l-l-e-n-s-b-a-c-h.html> (accessed: 20.10.2020).

30. Ködderitzsch P., Müller L. 1990. *Rechtsextremismus in der DDR*. Göttingen, Lamuv Taschenbuch.

31. Kraske M. 2020. *Der Riss. Wie die Radikalisierung im Osten unser Zusammenleben zerstört*. Berlin, Ullstein Verlag.

32. Niedermayer O. 2009. Bevölkerungseinstellungen zur Demokratie: Kein Grundkonsens zwischen Ost- und Westdeutschen. *Zeitschrift für Parlamentsfragen*. H. 2. S. 383–387.

33. Osterloh J., Vollnhals C. 2012. *NS-Prozesse und deutsche Öffentlichkeit: Besatzungszeit, frühe Bundesrepublik und DDR*. Goettingen, Vandenhoeck & Ruprecht.
34. Otto H.-U. (ed.). 1993. *Rechtsradikale Gewalt im vereinigten Deutschland Jugend im gesellschaftlichen Umbruch*. Opladen, Leske + Budrich.
35. Petersen T. 2014. Das Ende der 'Mauer in den Köpfen' Eine Dokumentation des Beitrags von Dr. Thomas Petersen in der Frankfurter Allgemeinen Zeitung Nr. 269 vom 19. *IfD Allenbach*. Available at: https://www.ifd-allensbach.de/fileadmin/kurzberichte_dokumentationen/FAZ_November_Mauer.pdf (accessed: 20.10.2020).
36. Reif-Spirek P., Ritscher B. 1999. *Speziallager in der SBZ. Gedenkstätten mit 'doppelter Vergangenheit'*. Berlin, Ch. Links Verlag.
37. Schröder B. 1992. *Rechte Kerle. Skinheads, Faschos, Hooligans*. Reinbek, Rowohlt.
38. Schwartz M. 2012. *Funktionäre mit Vergangenheit: Das Gründungspräsidium des Bundesverbandes*. München, Oldenbourg Verlag. DOI: 10.1524/9783486717457.
39. *Vereintes Land — drei Jahrzehnte nach dem Mauerfall*. 2019. Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung Halle. Available at: https://www.iwh-halle.de/fileadmin/user_upload/publications/sonstint/2019_iwh_vereintes-land_de.pdf (accessed: 20.10.2020).
40. Waibel H. 2014. *Der gescheiterte Antifaschismus der SED. Rassismus in der DDR*. Berlin, Peter Lang GmbH Internationaler Verlag der Wissenschaften. DOI: 10.3726/978-3-653-04215-3.
41. Westle B. 2000. *Nationale Identität und Demokratieverständnis junger Deutscher*. Friedrich-Ebert-Stiftung. Available at: <https://www.fes.de/fulltext/asfo/00685003.htm> (accessed: 20.10.2020).
42. Zick A., Krause D., Küpper B. 2015. Der Osten erhebt feindselige Stimme? In *Wut. Verachtung. Rechtspopulismus in Deutschland*. Bonn, Verlag J.H.W. Dietz Nachf., S. 61–77.
43. Zimmering R. 2000. *Mythen in der Politik der DDR. Ein Beitrag zur Erforschung politischer Mythen*. Opladen, Leske + Budrich Verlag.